

К.А. Кедров

Мотивы поэзии Лермонтова Смерть

Смерть — постоянный предмет философской рефлексии и поэтического переживания Лермонтова, тесно связанный с размышлениями о вечности и времени, о бессмертии и о любви. Ожидание смерти как освобождения от земных мук и страданий — распространенный мотив романтической поэзии. У Лермонтова он достигает наивысшей трагической кульминации в стихотворении «Пленный рыцарь», где смерть — желанное избавление от плена жизни:

Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Но гораздо чаще в поэзии Лермонтова смерть предстает не как финал земного пути, естественный или «избранный» героем, а как провиденциальное ощущение гибели или близкой кончины:

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет.

Эта же тема звучит в стихотворениях «Из Андрея Шенье», «Когда к тебе молвы рассказ...» и др.

Лермонтову не свойственно пушкинское гармоничное ощущение природного кругооборота, смены поколений, смягчающее трагизм смерти. Смерть переживается в его поэзии как бессмысленное поглощение мирозданием человеческой индивидуальности. Поэту чужда просветительская ирония над «тайнами гроба». Смерть для него — роковая тайна, не вмещаемая человеческим разумом, и он стремится не к разгадке, а к более глубокому ощущению тайны смерти. Трагизм ее Лермонтов видит прежде всего в невозможности личного бессмертия, в бесследном исчезновении духовного «Я», с уничтожением которого Лермонтов так трудно примириться:

В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!...»
(«Смерть» — «Закат горит огнистой полосой...»)

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
(«1830. Майя. 16 число»).

Сама по себе смерть не страшит поэта; ужасно связанное с ней забвение и гибель любви:

Что смерть? — лишь ты не изменись душою!
(«Настанет день — и миром осужденный...»)

Смерть и любовь связаны неразрывной роковой цепью («Демон», «Маскарад», «Герой нашего времени», баллады «Морская царевна», «Тамара», «Дары Терека»). Любовь демоничного героя влечет за собой смерть прекрасной возлюбленной. Так гибнут Бэла, Тамара (в поэме «Демон»), Нина. Герой знает, что его любовь несет гибель, но не может противиться чарующему зову красоты. Как вариация этой коллизии возникает образ роковой женской красоты, несущей гибель возлюбленному (баллада «Тамара»).

Для героя лирики Лермонтова смерть нередко предстает как событие, уже заранее пережитое. Отсюда появление темы «живого мертвеца»: герой чувствует себя мертвым среди живых или ожившим среди мертвых, что делает его равнодушным к факту соб-

ственной гибели. Так, в стихотворении «Челнок» («Воет ветр...») смертельно раненный пленник не страшится бури:

Он смерть равнодушнее путников ждет,
Хотя его прежде она уведет...

Заранее пережитое героем ощущение смерти переносит события его дальнейшей реальной жизни в иной план, где душа обречена быть немой, но не безучастным созерцателем земной жизни. Невозможность умереть для земли, забыть о земных страстях («Любовь мертвеца») становится для героя роковой обреченностью.

В трех стихотворении, озаглавленных «Смерть», даны два противоположных образа смерти. В одном из них («Закат горит...») поэт не сомневается в полном исчезновении для «земли». В двух других («Ласкаемый цветущими мечтами...», «Оборвана цепь жизни молодой...») душа после смерти напрасно ищет забвенья в муках ада, их заглушают муки неуничтожимых земных страданий, от которых нельзя укрыться в холодной бесконечности мироздания. В стих. «Ночь. I» и «Ночь. II» Лермонтов передает ужас перед неизбежностью биологической смерти, смерти-распада. Смерть возникает в них как чисто лермонтовский двойной образ сна-смерти, сна-пробуждения. Душа умершего обречена вернуться на землю к своему разлагающемуся телу. Духовный двойник умершего стремится оживить безжизненный скелет, но не может. В этот момент следует земное пробуждение, физически переживаемое героем как воскресение. Особым образом переживает свою смерть герой стихотворения «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»). Он не только, подобно герою раннего Лермонтова, предсказывает собственную смерть, но провидит во сне, пророчески воссоздает «реальную картину» своего умирания.

Наряду с пророческим переживанием смерти в творчестве Лермонтова всегда существовал образ смерти, умышленно лишенной ореола таинственности, данной как бы взглядом со стороны. Во многих поздних стихотворениях («Памяти А.И. Одоевского», «Завещание», «Валерик») мотив смерти не связан с эсхатологическими (как в ранних) и космическими мотивами, а в «Валерике» смерть на поле боя дана во всей своей беспощадной простоте. В «Выхожу один я на дорогу» образ сна-смерти обретает новое наполнение: здесь душа после смерти не тонет в «вечности холодной» и не испытывает муки могильного ада. Граница жизни и смерти передана в стихотворении не как резкая и непроходимая преграда. Смерть — это погружение в сон, в котором человек и природа «понимают» друг друга (в сне-смерти человек приобщается к «вечной» жизни природы: «Надо мной чтоб вечно зеленея / Темный дуб склонялся и шумел»), но это сон трагический, ибо такое понимание куплено ценой отказа от земных ожиданий, от самого личного бытия.

Предчувствуя свою довременную смерть, поэт видит две могилы: одна — среди гор Кавказа, неоплаканная, «кровавая», «могила без молитв и без креста, на диком берегу ревущих вод» («1831 июня 11 дня»). Другая могила видится ему среди русского пейзажа, «близ тропы глухой, в лесу пустынном средь поляны» («Завещание» — «Есть место...»); над ней не тяготее проклятие людей:

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи.

Поэтическое предсказание поэта о «двух могилах» оказалось пророческим.